

— Вставай. Ты помнишь меня? — спросил господин Чжан Сянь, также известный как Чжан Цинчжэн, давая понять, что он и прежнее «я» Вэнь Жуна — Сюй Ножэнь — уже были знакомы.

От этих слов лицо сидевшего рядом уездного начальника почернело.

Если бы они не знали друг друга — ещё можно было бы как-то уладить дело. Но раз знакомы — ситуация становилась гораздо сложнее.

Этот юный суйцай, видно, где-то «поджёг благовония перед нужным божком» — каким-то чудом сумел снискать расположение самого инспектора образования Чжан!

А Вэнь Жунь сохранял полное спокойствие: ни горячился, ни унижался, держался легко и непринуждённо, словно облака в безветренный день.

— Помню, — улыбнулся он. — Мы встретились у подножия горы, возле даосского храма.

На этом он и закончил, лишь вежливо улыбнулся и принял почтительную позу — больше ни слова.

Его молчание поставило уездного начальника в крайне неловкое положение.

Не в силах больше терпеть, уездный начальник вынужден был посмотреть на советника Мао.

Здесь единственный, кто мог заговорить первым, — это именно советник Мао. Остальные не имели права вмешиваться.

Как главный советник уездного начальника, Мао и был тем, кому предстояло вести этот разговор.

Он слегка прокашлялся:

— Учёный Вэнь, вы ведь ездили в префектурный город сдавать провинциальные экзамены (сянши)?

— Бывал там, — кивнул Вэнь Жунь.

— Мм... А результаты? — советник Мао запнулся, не зная, как продолжить.

— До сих пор нет никакого уведомления об успехе, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Видимо, провалился.

Он не выглядел ни особенно расстроенным, ни злым. Ведь в древности императорские экзамены были куда сложнее современного вступительного ЕГЭ.

Это была настоящая «узкая тропа, по которой идут тысячи и тысячи», где проходил лишь немногие, а большинство падало в пропасть.

И, к несчастью, Вэнь Жунь оказался именно среди тех, кого «столкнули с моста».

— На самом деле... вы сдали экзамены, — запинаясь, начал советник Мао.

Но тут вмешался сам инспектор образования Чжан:

— Позвольте мне сказать. Вэнь Жунь, вы занесены в список победителей — вы стали цзюйжэнем!

Вэнь Жунь не обрадовался, а, наоборот, широко распахнул глаза:

— Тогда почему не пришло уведомление об успехе? Почему мне никто ничего не сказал? Что здесь происходит?

Уездный начальник виновато опустил голову. Молодой человек рядом с ним тоже потупился.

Советнику Мао было крайне неловко — как же теперь всё это объяснить?

— Позвольте мне рассказать, — заговорил господин Чжан. — Вы действительно сдали экзамены. Но, не дождавшись объявления результатов, вы вернулись домой — якобы из-за срочных дел в семье. После вашего ухода несколько других кандидатов, с которыми вы сдавали экзамены вместе, тоже уехали. Они и так знали, что не прошли, ездили в префектурный город лишь ради формы, а потом отправились в странствующее обучение и ничего не слышали о ваших результатах. А вот действия ваших дяди и тёти мы уже тщательно расследовали. Они хотели выдать вас замуж, чтобы завладеть вашим наследством. Но вы, как настоящий учёный, поступили честно и прямо: распорядились имуществом по совести, выполнили условия помолвки и даже помогали заботиться о трёх детях. Честно говоря, именно ваше доброе сердце и привлекло моё внимание.

Перед приездом господин Чжан несколько не бездействовал — он досконально изучил всё, что касалось Вэнь Жуна.

— Получается, я стал цзюйжэнем, но мне так и не прислали уведомления, никто не сообщил мне об этом, я даже не попал на «Пир Лу Мин»... — Вэнь Жунь сделал смелое предположение: — Неужели никто этого не заметил?

Ведь «Пир Лу Мин» — это важнейшее событие для каждого нового цзюйжэня!

Название «Пир Лу Мин» («Пир с пением оленей») происходит от древнего обычая, когда император устраивал пир в честь новых учёных, подавая на стол мясо оленя — символ особой милости Небесного Сына и его уважения к талантам.

Олень издревле почитался как божественное животное, олицетворяющее редкий дар; «пение» (мин) же символизировало небесное дарование. Поэтому пир, где император — хозяин, а талантливые юноши — гости, и назывался «Пиром с пением оленей», выражая мысль о том, что Небесный Сын ищет и ценит достойных людей. Есть и другая версия: иероглиф «лу» (олень) звучит так же, как «лу» (чиновничье жалованье, удача в карьере). Древние часто использовали образ оленя как символ карьерного роста и процветания. Став цзюйжэнем, человек вступал на путь получения «лу» — официального положения и дохода. Однако, поскольку конфуцианцы избегали прямых разговоров о богатстве и выгоде, предпочитая скромность и сдержанность, они выбрали для этого события поэтическое название — «Пир с пением оленей».

В нынешнее время «Пир Лу Мин» устраивается после объявления результатов провинциальных экзаменов: его проводят префект и инспектор образования. Это не только прощальный и вдохновляющий банкет для новых цзюйжэней, но и прекрасная возможность познакомиться друг с другом — ведь в будущем они могут вместе ехать в столицу на столичные экзамены или даже служить чиновниками в одном регионе.

Но Вэнь Жунь, чьё имя значилось в списке победителей, так и не попал на этот пир.

— Потому что вместо вас туда пошёл кто-то другой, — сказал господин Чжан, бросив взгляд на того самого юношу. — Ну что стоишь? Подойди!

Молодой человек робко подошёл и вдруг бросился Вэнь Жуню в ноги:

— Простите меня, учёный Вэнь! — На лице его было написано глубокое раскаяние. — Я совсем ослеп от жадности!

— Так это ты занял моё место? — Вэнь Жунь чуть не рассмеялся от возмущения. — Я-то всего лишь бедный парень из крестьянской семьи, у меня и денег-то нет, чтобы так разодеться!

На нём самом была самая обычная одежда учёного — простой синий халат. А у этого юноши наряд стоил, наверное, как пять таких халатов, а то и больше! Да и посмотрите на его пояс: нефритовая подвеска, в руке — изящный веер, на пальцах — массивные золотые перстни с драгоценными камнями... Целый образ типичного избалованного барчука!

Вэнь Жунь точно не мог себе позволить такой «роскоши».

— Кхм-кхм! — лёгкий кашель господина Чжана прервал молчание. — Говори сам.

Он указал на молодого человека — того самого, кто присвоил себе имя Вэнь Жуна.

— Как тебе вообще удалось занять моё место? — лицо Вэнь Жуна стало суровым. — У меня есть знакомые, и что, если бы я сам поехал в префектурный город? Откуда ты вообще узнал, что я сдал экзамены? Ты следил за мной? Или расследовал?

— Нет-нет! — поспешил оправдаться юноша. — Я просто пил вино в одном из трактиров префектурного города и случайно подслушал разговор... Ваш младший дядя там сидел с компанией и хвастался, что у вас немалое наследство, но вы «расточаете» его на экзамены. Он ещё говорил, что родня вашей матери давно перевелась, а всё приданое, что она принесла в дом, теперь полностью принадлежит семье Вэнь. Он уже давно позарился на ваше имущество. Узнав, что вы приехали сдавать сянши, он испугался, что, если вы станете цзюйжэнем, у него не останется шансов. Поэтому решил поскорее выдать вас замуж и разделить имущество... Там же за соседним столиком сидел один из купцов из торгового каравана. Его звали Ван Дачжи, и он сказал, что у него есть племянник, который как раз подходит. Они тут же договорились. А я... я не удержался и ввязался в это дело...

Взгляд Вэнь Жуна стал странным: выходит, его выдали замуж не только из-за жадности дяди, но и при активном участии этого юнца!

— Я занял ваше место, — продолжал тот, стоя на коленях. — Ведь я учусь в академии префектурного города, а там никто не знал, кто такой настоящий Вэнь Жунь. А став цзюйжэнем, мне больше не нужно было мучиться с учёбой... Я дал каждому из них по пятидесяти лянов серебра — и всё уладилось.

Вдруг он зарыдал:

— Кто же знал, что в академии столько хлопот! Там всё под строгим надзором, то и дело приходят какие-то люди обсуждать классику и стихи... А я ведь ничегошеньки не понимаю!

Вэнь Жунь с облегчением выдохнул:

— Ты думал, что подмена пройдёт гладко?

Его прежнее «я», хоть и не отличалось особым коварством, всё же было суйцаем — умным, сообразительным. Более того, вероятно, унаследовало мудрость от матери: ведь она была единственной дочерью старого учёного-суйца.

А тот, в свою очередь, в молодости слыл в деревне вундеркиндом. Если бы не женился на женщине со слабым здоровьем, возможно, и сам стал бы цзюйжэнем.

Господин Чжан продолжил:

— Я встречался с ним несколько раз. Он представлялся Вэнь Жунем. Но я читал вашу экзаменационную работу: почерк аккуратный, стихи полны изящества и духа. А этот юноша даже не смог вспомнить собственные стихи с экзамена! «Неужели забыл то, что сам написал?» — подумал я. Проверил его по другим предметам — результаты были катастрофическими. Тут у меня и возникли подозрения. Особенно после нашей встречи на горе, когда вы представились: «Вэнь Жунь, литературное имя — Жу Юй».

<http://bllate.org/book/15642/1398045>